
Г. А. ЗАВАЛЬКО

КУЛЬТУРА ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В статье дан краткий обзор технического и культурного прогресса в средневековой Европе, представлен образ «человека Средневековья», обрисована система социальных отношений того времени, понимание которой необходимо для верного восприятия средневековых культуры и искусства в нашу эпоху.

Ключевые слова: феодализм, «Темные века», культура, рыцарь, сеньор, вассал, оммаж, Церковь, вагант.

«Темные века» на Западе между падением Рима и началом Средних веков. Судьба Запада и Востока Европы после падения Западной Римской империи была в корне различной. Восточная Римская империя (Византия) стала политарным обществом и разделила судьбу других восточных царств. На Западе же возник новый строй – феодализм.

Возникают вопросы: где, когда и как? Феодальными в точном смысле слова, писал Марк Блок (1886–1944), первоначально были лишь Франция, Западная Германия и Северная Италия. В дальнейшем этот регион расширился за счет Англии и Южной Италии. К этому центральному ядру примыкали области в той или иной степени феодализированные – Северо-Западная Испания и Саксония. За этими пределами феодализма не существовало. Его возникновению предшествовал процесс *романо-германского синтеза*, завершившийся к XI в. Феодальное общество просуществовало около трех веков, до конца XIII в.; с XIV в., века пороха и чумы, начинается «осень Средневековья», становление абсолютизма (национального, как во Франции, или «карликового», как в Германии).

«Темные века», подготовившие феодализм, – время медленного, но необратимого *технического* прогресса. Главные их достижения, сделавшие возможным средневековое великолепие: 1) лошадиная упряжь (в Античности пахали на волах, чья пара, запряжен-

ная за шею, тащила 500 кг; пара лошадей, запряженных не за шею, а в хомут, тащила 2,5 т); 2) водяные и ветряные двигатели. В дальнейшем прибавились кривошип, позволяющий преобразовывать вращательное движение в поступательное и наоборот; маховик, придающий равномерность вращению, и др.

Значение этих изобретений огромно: впервые развитие производства пошло за счет *развития техники*, а не за счет *увеличения числа работников*, как при рабовладении, или *увеличения рабочего времени*, как при политаризме. «Главным достижением Средневековья были не его соборы, не его этика или схоластика, а построение, впервые в истории, сложной цивилизации, не основанной на использовании труда рабов или кули», утверждает американский историк техники Линн Уайт. Французский историк средневековой науки Божуан считает несомненным факт технической революции в эпоху Средневековья, суть которой он видит в овладении силами природы – силой животных, силой ветра и воды. Со Средневековья начинается опирающийся на все возрастающую мощь техники новый этап в истории человечества, проходящий под знаком «покорения природы», который продолжается вплоть до настоящего времени¹. Идеи, оправдывавшие покорение природы, конечно, черпались из Библии (мир не сакрален, он создан для человека); любопытно, что в наши дни технофобы или винят христианство в потребительском отношении к природе (вместо того, чтобы винить капитализм), или ищут в Библии «экологические» цитаты для оправдания своей позиции². На какой странице открыть священный текст, «решает» экономика, а не воля людей; христианство невольно послужило техническому прогрессу, в этом нет его заслуги и тем более вины.

После краткого объединения Европы под властью Карла Великого его империя распалась – не до уровня области или провинции, а до уровня поместья (феода, фьефа). В этих условиях центральной фигурой стал *воин*, вооруженный, «сильный» человек, подчиняющий себе крестьян – безоружных, «слабых». Обычное для предклассового общества деление на знать, рядовых свободных и не-

¹ Гайденко В. П., Смирнов Г. А. Западноевропейская наука в Средние века. – М., 1986. – С. 37.

² Черняев А. Антиэкологическая доктрина РПЦ // НГ – религии. – 2013. – 3 апреля; Малер А. Экология нового язычества // НГ – религии. – 2013. – 17 июля.

свободных сменилось делением на воинов, растворивших прежнюю знать, и крестьян. При этом иные из воинов вышли из зависимых людей. Далекое эхо продолжает звучать в английском knight – *рыцарь*, родственном немецкому Knecht – *слуга*.

Историк Пьер Тубер (р. в 1932 г.) ввел термин «инкастельменто» («озамкование»): массовое строительство замков в период, когда набеги варваров уже окончены, и не в естественных укрытиях, а «на ровном месте» – замков, служащих сеньорам для подчинения крестьян, а не для отражения внешних врагов. «Западная Европа покрывается насыпными холмами. Они имели в основном форму усеченного конуса высотой от 10 до 30 метров. Насыпной холм символизировал власть»³. На холме строилась *толстая* или *большая башня* (термин «донжон» более поздний), центр замка. Тогда же вдвое увеличилась численность «благородных», появилось рыцарство с его особой психологией, противопоставляющее себя и народу, и королям.

Феодальное общество делится на *деревню* (над которой доминирует *замок*) и *город*. Город сами средневековые люди считали чем-то второстепенным (типичным было деление людей на клир, рыцарей и крестьян), но именно ему принадлежало будущее. Вообще Средние века – эпоха отнюдь не застойная, а динамичная; суть динамики – движение от натурального хозяйства к товарно-денежному.

Феодальная раздробленность имела как отрицательные (голод, эпидемии, плохая инфраструктура, разбой; отсюда – тема «пляски смерти» в искусстве), так и положительные (отсутствие государственно-церковной машины принуждения, право на восстание против власти) черты. «Обычаю и закону подвластны все, и в первую очередь государь... Если он нарушает закон, подданные не должны подчиняться несправедливости... Обязанность соблюдать право вытекает не из договора, а из представления об универсальной силе права, которому все подчинены. Этот принцип коренным образом противоречит теократической концепции, согласно которой князь стоит выше закона и подвластен одному богу»⁴. Поэтому Средние века дают нам образцы борьбы подданных (в основном

³ Мески Ж. Замки. – М., 2003. – С. 16–17.

⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 181.

знати) против королей, результатами которой стали парламенты (первый – в Англии, 1265 г.) и документы, ограничивающие произвол королей (первый – в Англии, «Великая Хартия вольностей», 1215 г.). Инквизиция без поддержки государства тоже была не так сильна, как в XIV–XVI вв.; как ни странно это звучит, но свободомыслящему лучше было родиться в XII в., чем в XVI. Неверно представлять себе историю как сплошной прогресс (или регресс, или ровную линию без качественных изменений): история – чередование кратких взлетов, пока способ производства прогрессивен, и долгих упадков, когда прежние производственные отношения стали, по словам К. Маркса, оковами для производительных сил, но еще не свергнуты и не заменены новыми.

Средние века отнюдь не время государственно-церковного произвола; их беда – в другом: во власти феодалов.

Человек Средневековья. Можно выделить две его главные черты: *включен в какую-либо корпорацию и ценит землю выше денег*. Массовая неграмотность необычайно повысила роль *жеста* в феодальной культуре.

«Феодальная действительность не отрицала свободы человека. Но то была очень своеобразная свобода, не похожая на свободу личности в новое время. Права человека в Средние века, собственно, не были его индивидуальными правами. Пользоваться своими правами индивид мог лишь как член корпорации... Средневековый человек был рыцарем, священником, крестьянином, а не индивидом, который занимался военной, религиозной или сельскохозяйственной деятельностью»⁵. Статус наследовался через инициацию. «Если детства как такового средневековое сознание фактически не признает, то юность, напротив, воспринимается очень отчетливо как особый “возрастной класс”. Как правило, ее отделяют от зрелости испытания (инициации) или торжественная церемония: подмастерье, создав “шедевр”, становится мастером, оруженосец посвящается в рыцари, школяр превращается в магистра, послушник – в монаха»⁶. Но статус мог быть и приобретен: крестьянин уходил в город, мирянин – в монастырь, воина посвящали в рыцари, дворянин оканчивал университет и становился ученым.

⁵ Гуревич А. Я. Указ. соч. – С. 210–211.

⁶ Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII веков: эпоха, быт, костюм. – М., 1978. – С. 111.

Разница между нами и людьми того времени ярко показана у Г. К. Честертон (1874–1936). Его герой слышит якобы средневековую легенду о проклятии золотого креста; зная средневековую культуру, он понимает, что рассказ выдуман; узнав об убийстве, якобы связанном с проклятием, он сразу понимает, что убийца – рассказчик. Главной ошибкой, выдавшей лжеца, было механическое перенесение отношений между людьми, существующих при капитализме, в Средние века: образ одинокого человека, ползущего навстречу смерти, «потому что никому нет дела, существует он или нет, – это не образ средневекового сознания. Это продукт нашей научной экономической системы»⁷. Разумеется, мораль не в том, что Средние века были золотыми, а в том, что золотым не является и век капитализма.

Светские феодалы. Феод – поместье-государство. Феодал является монархом для своих крестьян; они – его подданными. Отдельный феод существовать не сможет, отсюда – неизбежность иерархии, «вассальной лестницы» по принципу «вассал моего вассала – не мой вассал». Феод, как страна, не дробится между наследниками, а переходит старшему сыну – *майорат*. Сэмюэль Джонсон (1709–1784) скажет: «Благодаря майорату в семье лишь один глупец»: старшего сына ничему не учили, его будущее обеспечено и так⁸. Контраст с Россией, где поместье делилось между всеми сыновьями, и даже воля Петра, пытавшегося ввести майорат, не смогла преодолеть сопротивление дворянства, очевиден. Майорат исключал появление Митрофанушек. Младшие сыновья ищут место в жизни сами: кто-то уйдет в священники или монахи, кто-то окончит университет и станет преподавателем (магистром), большинство же постарается добыть феод на службе могущественному феодалу.

Главными событиями в жизни «благородного» были *посвящение в рыцари* и *вассальная присяга (оммаж)*. Рыцарство – не классовая, а культурная общность. Рыцарь – человек, имеющий право сражаться верхом на коне, о чем свидетельствуют сами термины: шевалье, кавалер, кабальеро и т. д. Русское «рыцарь» – ис-

⁷ Честертон Г. К. Проклятие золотого креста / Г. К. Честертон // Избранные произведения. – М., 1990. – Т. 2. – С. 351.

⁸ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. – М., 1987. – С. 134.

каженное немецкое «риттер», от *ritten* – «скакать». Рыцарь имеет *герб*, знак его статуса. Сын рыцаря должен прослужить некоторый срок *оруженосцем* при рыцаре, чтобы удостоиться посвящения; однако в рыцари может быть посвящен и простой воин – за храбрость или по другой причине, так как право посвящать в рыцари имеет любой рыцарь.

Само посвящение – удар (сначала наносился рукой, в последующем – мечом плашмя), которым рыцарь передает сверхъестественную силу неопиту, – явно ведет происхождение от одной из разновидностей первобытной религии – эманизма. Церковь стремилась христианизировать обряд (молитвы, ночное бдение в церкви, участие духовенства), но без особого успеха. После единственного удара, на который рыцарь не ответил, он обретает новый статус – теперь его никто не смеет ударить безнаказанно. Он член высшей касты. «В сражениях рыцарей между собой классовая солидарность перебрасывает мост над баррикадой и учит снисхождению к противнику, которого полагается уважать как равного себе. Эта классовая солидарность оказывалась достаточно сильной, чтобы смягчить борьбу, тогда как национальная солидарность не играла подобной роли, о чем свидетельствует особая жестокость гражданской войны. Правила честной игры... не распространялись на отношение рыцаря к простонародью»⁹.

Но рыцарь – еще не феодал. Он служит, чтобы получить из рук сеньора «самый драгоценный дар – супругу и землю для обустройства»¹⁰. *Оммаж* проходил так: «...принося оммаж сеньору, рыцарь просил его покровительства (коммендировался) и как бы признавал себя его человеком (*homo*)... Как и посвящение, оммаж – символическая церемония. Вассал клал соединенные руки в ладони сеньора и произносил формулу *сир, я становлюсь вашим человеком*; за этим следовала присяга на верность и поцелуй... Со своей стороны сеньор передает вассалу оружие или его символ – палочку»¹¹. «Взаимость обязательств отличала вассалитет от античного рабства и от других форм свободно принятой зависимости, существующих в других культурах и цивилизациях, например, в Японии, или... странах, граничащих с подлинно феодальной зоной. Сами

⁹ Оссовская М. Указ. соч. – С. 499.

¹⁰ Дюби Ж. Средние века. – М., 2001. – С. 86.

¹¹ Ястребицкая А. Л. Указ. соч. – С. 138.

обряды и ритуалы выявляют это различие: “битью челом” у русских, целованию руки господина у кастильских воинов противостоит оммаж – вложение рук в руки и поцелуй в губы – который таким образом превращает сеньора в подлинного соучастника заключаемого соглашения. Бомануар пишет: “Слуга обязан быть верным и послушным своему господину в той мере, в какой господин верен своему слуге”¹². *Пусть мой сеньор – предатель хуже Иуды, я буду ему верен* – в рыцарской поэзии такие выражения обычны. Конечно, на самом деле бывало и иначе, о чем свидетельствуют изображения двуличных (в прямом смысле) вассалов, дающих оммаж разным сеньорам.

Вассал должен быть верен, сеньор – щедр. Неисполнение ими обязательств, предательство – худший грех. Понятно осуждение Брута и Кассия, приравненных к Иуде, в «Божественной комедии» Данте. Для феодального сознания нет худшего поступка, чем убийство сеньора, в то время как для античного сознания нет поступка лучше, чем убийство тирана: мы снова видим, как способ производства детерминирует сознание, причем обеим точкам зрения нельзя отказать в правоте.

Сеньор и вассал – члены класса феодалов, они неравны и равны одновременно. Вассал *не платит дани*: это недопустимое унижение. «Финансовая помощь оказывалась сеньору в затруднительные либо торжественные моменты его жизни: при выкупе сеньора из плена, при выдаче дочери замуж, при посвящении сына в рыцари и т. д.»¹³.

В условиях, когда в Европе «не было земли без сеньора», неизбежна была экспансия за ее пределы, оправданная религиозными целями, – крестовые походы. Кроме собственно походов в Палестину (Святую Землю) шла Реконкиста в Испании, английская экспансия в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и немецко-скандинавская – в Прибалтике. Крестовый поход был в глазах верующих бесприкрытым делом – погибшие «получали феоды» в раю.

Отношения «сеньор – вассал» – основные для Средневековья (по этому образцу мыслятся отношения бога и людей, родителей и детей, дамы и рыцаря, цеха и ремесленника и т. д.): «Эта привязан-

¹² Блок М. Феодальное общество. – М., 2003. – С. 224.

¹³ Смирнова Е. Д., Сушкевич Л. П., Федосик В. А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. – Минск, 1999. – С. 63.

ность ощущалась настолько крепкой, что ее образ проецировался на все другие человеческие привязанности, куда более древние и, казалось бы, почитаемые. Семейные связи уподоблялись вассальным... Когда провансальская поэзия стала культивировать куртуазную любовь, то образцом совершенной преданности влюбленного была преданность вассала... Даже религиозное чувство окрасилось тонами, позаимствованными у вассальных отношений. Попасть в руки к дьяволу значило сделаться его слугой... Но самым знаменательным подтверждением того, что дух вассального менталитета пронизал абсолютно все, были изменения, которые проникли даже в церковный обряд: вместо молитвенной позы древних ораторов с воздетыми вверх руками весь католический мир принял позу отдающего себя под покровительство со сложенными ладонями. В тайниках своей души добрый христианин видел себя перед господом как вассал...»¹⁴

Здесь же находятся истоки явления, известного как *куртуазная любовь*: «Восприятие любимого существа как господствующего отражало ту иерархию моральных ценностей, которая характерна для феодального общества»¹⁵. Лучшее, на мой взгляд, подтверждение правоты марксизма: мысли людей – даже мысли о любви – зависят от способа производства!

«Любовь издавека» нашла свое воплощение в легенде о Принцессе Грезе (принцессе Триполитанской Мелизанде, которую славил в песнях, никогда не видя, трубадур Джауфре Рюдель). В Новое время этот сюжет оживет в драме Эдмона Ростана (1868–1918), а затем в симфоническом прелюде Н. Н. Черепнина (1873–1945) «Принцесса Греза».

Именно рыцарь является главным действующим лицом средневековой истории и – закономерно – средневековой литературы. В *западном* средневековом романе, пишет крупнейший исследователь фольклора Е. М. Мелетинский (1918–2005), герой – рыцарь, защищающий интересы дам, друзей, побратимов, сюзеренов; в *восточном* – царь или царевич, «обязанный блюсти честь державы и свой высокий сан»¹⁶. То же отмечает Жак Ле Гофф (1924–2014),

¹⁴ Блок М. Указ. соч. – С. 228.

¹⁵ Там же. – С. 303.

¹⁶ Мелетинский Е. М. Средневековый роман: происхождение и классические формы. – М., 1983. – С. 279.

анализируя легенды о фее Мелюзине: «Поражает принадлежность героев к одному и тому же социальному классу, и к классу высокому. Чему тут удивляться? Разве не известно, что королевский сын – главный герой народной сказки? Но речь идет вовсе не о королевском сыне. Речь о мелкой и средней аристократии, аристократии *рыцарей*... И орудие их честолюбия – фея. Мелюзина приносит рыцарскому классу земли, замки, города, особое происхождение. Она символическое и волшебное воплощение их социальных амбиций»¹⁷. Легенда воплощена в увертюре Феликса Мендельсона-Бартольди (1809–1847) «Прекрасная Мелюзина».

Рыцарь был наиболее свободным типом человека из всех существовавших до того, что наглядно проявлялось при контактах с политарным Востоком. Ярчайший пример – «один из лотарингских рыцарей, участвовавших в первом крестовом походе, присутствуя на приеме у византийского императора, был возмущен тем, что “один человек может сидеть, тогда как столь славные воины обязаны стоять”, и демонстративно уселся на трон... Сознание собственного достоинства, которого рыцарь не лишается и в присутствии монарха, *первого среди равных*, а не господина перед рабами»¹⁸. Хотя иные авторы склонны видеть здесь лишь невоспитанность¹⁹, думаю, прав А. Я. Гуревич (1924–2006). Раззолоченные рабы политарха и помыслить не смели о такой, рискну сказать, культурной революции. Поэтому, несмотря на бандитизм рыцарства, оно оставило о себе лучшую память, нежели все иные господствующие классы: «Средневековый рыцарь и для нас, сегодняшних людей... прекраснее какого-нибудь банковского служащего»²⁰. Неслучайно А. К. Глазунов (1865–1936), стремясь воплотить Средние века в музыку, создал сюиту «Из Средних веков» из следующих частей: «Замок у моря», «Серенада трубадура», «Пляска смерти», «Крестовосцы». Именно эти культурные явления характеризуют феодалов. Но кроме феодалов Европу населяли и другие люди.

Церковь была единственной централизованной силой в децентрализованном обществе. Земельные владения формировались из

¹⁷ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург, 2002. – С. 197–198.

¹⁸ Гуревич А. Я. Указ. соч. – С. 204.

¹⁹ Заборов М. А. Крестом и мечом. – М., 1979. – С. 76.

²⁰ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М., 1987. – С. 360.

вкладов феодалов, кадры – из младших сыновей феодальных родов. Неизбежной была светская власть римских пап, правивших в Папском государстве (существовавшем до 1871 г.; Ватикан создан в 1929 г. фашистским правительством Муссолини), которые боролись с императорами так называемой Священной Римской империи (Германия и Италия) за верховную власть над всем католическим миром (ею в принципе не обладал и не мог обладать никто). Столкновение папства и империи за право назначения епископов (инвеституру) привело к знаменитому унижению императора в Каноссе, однако полной победы папство не добилося. Для борьбы нужен был клир, организованный как армия. Этой цели служил *целибат* (безбрачие), введенный, несмотря на сопротивление клира, в XI в. Формальной причиной была забота о моральном облике клира, однако подлинной – забота о дисциплине. Женатый священник зависим от светских властей, что хорошо видно на примере православия, лютеранства, англиканства; неженатый – солдат церкви. Моральный же облик клира в результате этой меры, разумеется, упал еще ниже.

Клирики жили «в миру» и, несмотря на целибат, мало отличались от мирян, поэтому в средневековом мире гораздо большую роль играли монашеские ордена. Монахи давали три обета: бедность, послушание, целомудрие; члены *военных орденов*, возникших в XII в. в Палестине, давали еще один: борьба с неверными. В эти ордена принимались рыцари, таким – единственно возможным при феодализме – образом было создано дисциплинированное войско, формально подчинявшееся Риму, фактически – орденской верхушке во главе с пожизненно избираемым великим магистром.

Наиболее известные духовно-рыцарские ордена: *тамплиеры* (в основном французский, уничтожен по надуманным обвинениям в ереси Филиппом Красивым в ходе борьбы за централизацию власти); *госпитальеры* (в основном итальянский, основал свое государство на Родосе, затем на Мальте, изгнан оттуда Наполеоном); *тевтонцы* (в основном немецкий, преобразован последним великим магистром во время Реформации в светское герцогство Пруссия; слившись с княжеством Бранденбург, стал основой будущей Германской империи); *Сант-Яго и Калатравы* (в Испании).

В начале XIII в. появились *нищенствующие ордена*, основанные Франциском из Ассизи и Домиником Гусманом. Дальновидный папа Иннокентий III (вдохновитель крестового похода против альбигой-

цев и взятия Константинополя) повернул идущие из народной толщи требования «бедной жизни» в пользу церкви. Церковные богатства оставались нетронутыми, а церковь получала армию фанатичных нищих проповедников, живущих подаянием. Судьба нищенствующих орденов была не вполне сходной. «Доминиканцы стали духовной жандармерией своей церкви, “псами господними” (их официальное самоназвание – результат игры слов *dominicanes* вместо *dominicanis*)»²¹. Францисканцы же были не так ортодоксальны: наряду с правым крылом (конвентуалы) выделилось левое (спиритуалы), преследовавшееся инквизицией; кроме того, хотя «Франциск питал к знанию еще большую антипатию, чем Доминик, величайшие имена следующего периода принадлежат францисканцам: Роджер Бэкон, Дуне Скот и Оккам – все были францисканцами»²². Францисканцем Якопоне да Тоди создан текст «*Stabat mater*».

Крестьянство. Крестьянин – это мелкий земельный собственник. В отличие от раба и пролетария он работает в своем, а не чужом хозяйстве. Средневековое крестьянство делилось на феодально-зависимое (*вилланы*) и крепостное (*сервы*). Неверно считать, что отличие крестьянина от раба в том, что раба можно убить, а крестьянина – только продать. Раба разрешалось убить не везде (в Риме, но не в Афинах), а продать можно лишь серва, но не виллана. При этом, поскольку крестьянин – подданный своего монарха-феодала, тот может его судить и казнить, убив по закону. И перед любым замком, подтверждая сказанное, стояли виселицы.

Феодализм означает, что земля крестьянина находится в двойной собственности: частная собственность расщеплена на *верховную частную собственность* феодала и *подчиненную собственность* крестьянина. Верховная частная собственность – всегда собственность не только на средства производства, но и на личности непосредственных производителей. Внешне это выражается в повинностях крестьян по отношению к феодалу: оброк за свою (подчиненно свою) землю, барщина на земле феодала, баналитет (отсюда «банальный») – «обязанность крестьянина использовать господский инвентарь, расплачиваясь за это частью продукта. Крестьяне должны были молоть зерно на мельнице господина, печь хлеб в

²¹ Соколов В. В. Средневековая философия. – М., 1979. – С. 303.

²² Рассел Б. История западной философии. – М., 1993. – Т. I. – С. 469.

господской печи, выжимать виноград на давяльне сеньора»²³. Кроме того, феодал мог устанавливать другие повинности, включая самые подлые, вроде права первой ночи. В Испании они емко назывались «дурные обычаи»²⁴. Но «несвобода крестьянина в Западной Европе в Средние века не равнозначна бесправию... Господа имели дело не с отдельными крестьянами, а с общинами, дававшими крестьянам возможность оказывать господам сопротивление в тех случаях, когда они пытались сломать обычай... Показательно, что одной из наиболее распространенных и обычных форм сопротивления крестьян было правовое: обращение в суды, требования расследовать и восстановить обычаи, проверить документы – сопротивление, опирающееся на высшую общественную ценность Средневековья – право»²⁵.

Борьба крестьян за улучшение жизни включала бегство в города, переселение (в том числе через участие в крестовом походе), уход в разбойники. Именно Средние века дают нам классический образ благородного разбойника, вооруженного оружием крестьянина – луком, *Робина Гуда*. Сам этот персонаж – фольклорный, воплощающий то лучшее, что было в его прототипах. Неслучайно реакционеры в XXI в. борются с ним, как с живым: «В Ноттингеме стерли изображение Робин Гуда. Вместо Робин Гуда на городском гербе теперь красуется неуклюжая заглавная буква “Н”. По мнению местных маркетологов, Ноттингему не следует обращаться к помощи “бандита” для привлечения туристов и инвесторов. Сторонники этого решения уверены: нововведение дополнительно привлечет в город бизнесменов. По словам одного из авторов идеи Джона Хили, “крупнейшие городские институты против того, чтобы легендарный вор XIII в. был символом достижений современного Ноттингема”»²⁶. Неслучайно и то, что либеральная интеллигенция идет в добровольные помощники к шерифу Ноттингемскому, перечисляя провинности Робина Гуда: «Сейчас, в эпоху атомизации общества, когда у каждого своя правда, прежние основания для прославления Робин Гуда сошли на нет. Да, он помогал бедным – но они ничем не лучше богатых... Массу претензий к Робину могут

²³ Ястребицкая А. Л. Указ. соч. – С. 117.

²⁴ История Европы. – М., 1992. – Т. 2. – С. 325.

²⁵ Гуревич А. Л. Указ. соч. – С. 206.

²⁶ Юрьева Д. Прощай, Робин Гуд // Российская газета. – 2005. – 31 мая.

предъявить и защитники окружающей среды (браконьерски истреблял дичь), и люди верующие (издевался над церковниками и церковными обрядами), и, конечно, поборники закона, который он постоянно и злостно нарушал»²⁷. Средние века ближе к нам, чем кажется!

Наконец, высшей победой было создание крестьянских республик. Принцип «нет земли без сеньора» имел исключения: Исландия, Сан-Марино, Дитмаршен, Швейцария, Андорра. У истоков швейцарской независимости стоял другой легендарный лучник – *Вильгельм Телль*. Был и компромиссный вариант: в Испании существовали бегетрии – общины, имеющие право выбирать сеньора.

Города Средневековья резко отличаются от всех предшествующих. «Античность знала свободные города, эллинские города-государства, доступные обитателям окружающих деревень, открытые их присутствию и их деятельности. Город же средневекового Запада, напротив, был замкнутым в себе, укрывшимся за своими стенами... Город – это замкнутый мирок, защищенный своими привилегиями (“воздух города делает свободным”), мирок агрессивный, упорный труженик неравного обмена»²⁸.

Независимый город был создан «коммунальной революцией»: иногда мирным, но чаще немирным путем европейские города в XI–XII вв. (в Италии – с IX в.) добивались независимости от сеньоров. Степень ее была различной. Высшим уровнем являлось достижение политического суверенитета – статуса коммуны (Италия, Прованс, затем Северная Франция, вольные и имперские города Германии, Фландрия). «В основе коммуны лежит союз горожан, скрепленный взаимной присягой... Город-коммуна становился по отношению к своему сеньору в положение вассала... в то же время коммуна представляла собой коллективную сеньорию. Некоторые коммуны Южной Франции имели даже своих вассалов из среды феодальной знати»²⁹. Другие города (или части города – в условиях феодализма было и такое) добились лишь внутреннего самоуправления под верховной властью сеньора. Население росло за счет

²⁷ Эрлихман В. В. Робин Гуд. – М., 2012. – С. 244.

²⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. – Т. 3. Время мира. – М., 1992. – С. 89.

²⁹ Стоклицкая-Герешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города. – М., 1960. – С. 131–132.

бегства крестьян (особенно сельских ремесленников) в города. Человек, проживший в городе «год и день» (на практике срок бывал больше), разрывал прежнюю зависимость. Но вокруг города располагалась «заповедная миля», где крестьяне были подчинены городу как своеобразной сеньории, скупавшей продукты по низким ценам и продававшей по высокой. «Достаточно быстро города стали опасаться крестьян. Как сельские сеньоры запирались в своих укрепленных замках, так и города с наступлением ночи убирали подъемные мосты, натягивали цепи перед воротами, выставляли часовых, опасаясь наиболее близкого и вероятного врага – окрестного крестьянина. Город породил университеты и юристов, разработавших право, обращенное против крестьян»³⁰.

Основную массу горожан составляли ремесленники, объединенные в *цехи*: мастер, подмастерье, ученик. Внецехового ремесла и дублирования ремесла двумя цехами, как правило, не было. Сами цехи были неравны – были богатые (ювелиры) и бедные (ткачи, цирюльники); в Италии использовались звучные термины – «жирный народ» и «тощий народ». Основная забота цеха – регламентация ремесла, что означает и социальные гарантии (цех – своего рода профсоюз мастеров), и ограничение развития. «Точно определяется размер годовой продукции, которую мастер имеет право выносить на рынок, например, количество кусков сукна. Оно должно быть одинаково для всех мастеров. Статуты запрещают мастерам переманивать друг у друга подмастерьев, запрещается также смакивать заказчиков. Мастер не имеет право выбегать на улицу и звать заказчиков и мастеров к себе в мастерскую. Определяется даже способ устройства выставки в окне мастерской. Она не должна быть слишком высокой и пышной, чтобы не привлекать особого внимания покупателей и заказчиков и не отвлекать их от посещения других мастерских»³¹.

Внутри любого цеха, «жирного» или «тощего», также неспокойно: конфликт мастеров и подмастерьев. Цеховые статуты дают власть мастерам, определяющим и условия труда, и его оплату, но подмастерья сопротивляются и рано или поздно создают, вопреки запретам, собственные союзы. «Некоторые из них очень быстро

³⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1991. – С. 276.

³¹ Стоклицкая-Терешкович В. В. Указ. соч. – С. 196.

вовлекли в круг своей деятельности посредничество по подысканию труда для иногородних подмастерьев. Это произошло через обычай странствования подмастерьев... Только подмастерья, вернувшиеся из странствования, считались вполне овладевшими ремеслом. Странствования породили особый быт подмастерьев и свой фольклор»³². Вспомним «Песни странствующего подмастерья» Густава Малера (1860–1911). Из мастеров выйдет буржуазия, из подмастерьев – пролетариат, но это в будущем. Пока что они – члены одного цеха.

Ниже цеховых ремесленников стоит беднота, не имеющая постоянного заработка, – полукриминальная среда, породившая будущий уголовный мир капиталистических городов. Выше цехов – купцы, вышедшие из цеховой верхушки, еще выше – подлинные хозяева города, которых историки называют *патрициями*. Себя же они называли «лучшие люди», или «праздные люди». «Это богатейшая верхушка города и вместе с тем правящий слой его»³³, правители, домовладельцы, ростовщики, откупщики налогов. Они живут в особом внутреннем городе, окруженном стенами, со своей стражей, их ненавидят так же, как сеньоров. Для того чтобы стать сеньорами, им надо владеть землей: ведь земля ценнее денег.

Коммунальная революция не покончила с феодализмом. Развитию капиталистических отношений мешала власть патрициата, тяготевшего к феодализации – как по сути (приобретение земель вне города), так и по форме (замки, посвящение в рыцари, ношение оружия, гербы, турниры и т. д.). Феодальное общество через патрициат постоянно утверждало свою власть над городом. Ответом на перманентную феодальную контрреволюцию был новый этап коммунальной революции в XIV–XV вв., когда власть брали цехи (Берн, Цюрих, Льеж, Кельн, Страсбург). В Италии он прошел раньше – в XIII в. (Флоренция, Болонья). Но и это не было преодолением феодализма: прямой дороги от него к капитализму нет. Европа должна была пройти через абсолютизм.

Итак, средневековый город – арена нескольких перманентных войн: идет борьба городов с феодалами и с крестьянами; борьба внутри города – цехи против патрициата; цехи между собой; внутри цеха – подмастерья против мастеров.

³² Стоклицкая-Герешкович В. В. Указ. соч. – С. 224.

³³ Там же. – С. 235.

Наконец, в городах, но в отдельных огороженных местах живут маргиналы: евреи (в гетто) и прокаженные (в лепрозориях). Их заперли. А «тех, кого нельзя было держать на привязи или запереть, средневековое общество выталкивало на дорогу. Сливаясь с купцами и паломниками, калеки и бродяги скитались в одиночку, группами, караванами»³⁴. «Люди Средневековья, казалось бы, прежде всего домоседы... А на самом деле Средневековье было и подвижным, и не подвижным. Наемники и купцы, ремесленники и пилигримы, монахи, крестьяне, уходящие из-за голода или бегущие от безжалостного сеньора – все это множество людей постоянно преодолевало пространство и свой страх перед пространством»³⁵. Именно в эту бродячую среду и приходят со своими проповедями францисканцы и доминиканцы.

Образование. Первоначально учебным заведением была школа («схола», отсюда схоластика), где изучались «семь свободных искусств», что следовало бы перевести как «семь теоретических дисциплин». Она делилась на две ступени: тривиум – отсюда «тривиальный» (грамматика, логика, риторика) и квадриум (арифметика, геометрия, музыка, астрономия).

Позже возникают университеты, организованные по принципу цехов: магистры – как мастера, бакалавры – как подмастерья, студенты – как ученики. Схолы превращаются в первую ступень («факультет свободных искусств», «артистический», он же «философский»), над ним надстраиваются высшие факультеты – медицинский, юридический, теологический.

Автономия университетов была весьма значительной; в случае неуступчивости властей университет мог бастовать. Самая драматическая страница истории средневековых университетов – раскол философского факультета Сорбонны в 1274 г., когда аверроисты во главе с Сигером Брабантским (ок. 1240–1283) создали свой, противостоящий официально, и «в продолжении трех лет в Парижском университете сосуществовали два противоборствующих артистических факультета»³⁶. Конец альтернативному факультету пришел вместе с осуждением аверроизма и арестом Сигера в 1277 г. Характерно, что на костер его отправить не решились: он был от-

³⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация... – С. 299.

³⁵ Ястребицкая А. Л. Указ. соч. – С. 19.

³⁶ Быховский Б. Э. Сигер Брабантский. – М., 1979. – С. 70.

правлен в Италию на суд и несколько лет спустя убит в городе Орвието приставленным к нему монахом-секретарем.

Образование было платным: магистры жили за счет студентов, что давало им независимость от светских и – главное – церковных властей. Церковь требовала бесплатного образования, осуждая торговлю знаниями (как торговлю временем – для осуждения ростовщичества), желая поставить образование себе на службу, но долго не могла сломить оборону мэтров. Ситуация изменилась в XIII в., когда нищенствующие ордена внедрились в университеты, не подчиняясь их уставам. «Тяжкий кризис, потрясший университеты, выявил двусмысленность положения интеллектуалов и недовольство многих из них. Это был спор монахов и клириков...»³⁷

Возникает антиномия платности образования и свободы преподавания. Монахи живут на милостыню, для них ничего не значит право на забастовку, право свободы преподавания, материальные требования преподавателей. «Человек должен жить собственным трудом»³⁸, – говорят мэтры, забывая, что оплачиваемый труд не может быть бескорыстным. Борьба длилась с переменным успехом и завершилась в конечном счете победой абсолютистского государства, подчинившего себе все и вся: и университеты, и церковь. Но суть спора шире и актуальнее: что является *меньшим злом* – платное образование или бесплатное, но идеологизированное, подчиненное внешней силе? Практика свидетельствует: второе. Идеологические догмы преодолеть можно, барьер платности – нет. Недаром в Латинской Америке лучшее образование дают иезуитские коллежи, которые оканчивали многие революционеры, включая Ф. Кастро. Есть и еще более широкий аспект проблемы: «интеллектуальная собственность» на знания, ставшая тормозом прогресса в наши дни, уже проявила свою несостоятельность в судьбе магистров средневековых университетов.

Положение женщин. Конечно, брак был сделкой, в том числе и в феодальной среде, а культ Прекрасной Дамы существовал в основном в поэзии. Но и в реальной жизни мы сталкиваемся с неожиданными проявлениями женской свободы, например с участием знатных дам в крестовых походах. Самая знаменитая женщина-

³⁷ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. – М., 1997. – С. 129.

³⁸ Там же. – С. 134.

крестоносец – Элеонора (Алиенор) Аквитанская (ок. 1124–1204), французская королева (впоследствии – жена Генриха II Английского и мать Ричарда Львиное Сердце): «Людовик мог бы ожидать, что его юная супруга, только что перенесшая вторые роды, изъявит желание ухаживать за больными и ранеными. Ничего подобного. Поборница женских прав потребовала, чтобы ей разрешили собрать отряд знатных дам, которые готовы поднять меч во славу господ. Элеоноре в тот век относительной свободы женщин удалось собрать отряд... Мужья, отцы, братья всех входивших в него дам не заперли их в замках. Они их отпустили в поход, и мир от этого не перевернулся»³⁹. Другая известная воительница – графиня Ида Австрийская (ок. 1055–1101), погибшая во время крестового похода.

Подобные вольности почти не имеют аналогов в докапиталистических обществах, за исключением Спарты, где «в обязанности женщин входило лишь общее попечение о домашнем хозяйстве и воспитании детей... Время, свободное от забот о семье и хозяйстве, спартанки могли посвящать занятиям атлетикой»⁴⁰ (в то время как в других полисах женщин не допускали на стадионы даже как зрителей). Конечно, Спарта уникальна практически во всем, включая положение женщин. Спартанки де-факто владели землями, накапливали деньги, ссужали их под проценты, через своих должников влияя на политику; о таких возможностях женщины Средневековья и не подозревали. Однако сходство все же есть. «Свобода женщины представляет собой едва ли не самое парадоксальное порождение спартанского тоталитаризма и его милитаристской, предельно маскулинизированной культуры»⁴¹. Не парадокс, а взаимный переход противоположностей. Очевидно, в условиях милитаризованного общества, когда единственным делом мужчины признается война, свобода женщин возрастает. Как в Спарте, так и в феодальном замке жена воина становилась распорядительницей имущества (формальное право собственности отходило на второй план); экономическая свобода влекла за собой некоторую сумму политических прав, в том числе – в условиях особой ценности владения оружием – военных.

³⁹ Можейко И. В. 1185 год. – М., 1989. – С. 414.

⁴⁰ Андреев Ю. В. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. – М., 1995. – С. 51.

⁴¹ Там же. – С. 62.

Но привилегии аристократок были так же исключительны, как и привилегии их мужей. «Женская свобода в Средние века была, пожалуй, заметнее на обоих полюсах общества: и в крестьянской, и в аристократической среде. Как ни странно, именно горожане строже всего держали своих жен... горожанка оказалась прочнее прикованной к очагу, нежели крестьянка и знатная дама. Именно из городской среды вышли те интеллектуалы, которые наводнили средневековую литературу антифеминистическими сочинениями»⁴². Однако сказанное относится к *женам* ремесленников, но не к *женщинам-ремесленникам*. «Существовали и исключительно женские цехи как в Германии, так и во Франции. Таковы были шелкопрядильные и шелкоткацкие цехи... Наряду с цехами, состоявшими из одних женщин, существовали и цехи, в которые наряду с мужчинами принимались и женщины в ученики, подмастерья и даже в мастера. Таковы были: в Кельне – цехи портных, поясников, сумочников, вышивальщиков гербов; в Любеке – изготовителей четок; во Франкфурте – пекарей и изготовителей платья; в Базеле – ткачей»⁴³.

Религиозность. «Существует столько же христианских моралей, сколько веков пережило христианство и сколько оно охватило стран. Религии, подобно хамелеону, принимают окраску почвы, на которой они живут»⁴⁴. Дополнить эти слова Анатоля Франса (1844–1924) следует так: ...и сколько классов охватило христианство. Средние века служат лучшей иллюстрацией.

Рыцари демонстрируют «определенную отстраненность, а то и неприязнь этого класса по отношению если не к христианству, то по меньшей мере к церкви. Он отвергал ее культурные модели, предпочитая святым – фей»⁴⁵. Рыцарская религиозность выражена в словах одного из поэтов-рыцарей: «Бог требует, чтобы человек заботился о своей славе»⁴⁶. Ясно, что это бог рыцарей, а не монахов, купцов или сервов. При этом именно рыцарь (а не король) считался «воином Христовым», ведущим войну за веру (до X в.

⁴² Ястребицкая А. Л. Указ соч. – С. 99.

⁴³ Стоклицкая-Терешкович В. В. Указ соч. – С. 188–189.

⁴⁴ Франс А. Современная история / А. Франс // Собрание сочинений. – Т. 2. – М., 1983. – С. 242.

⁴⁵ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье... – С. 198.

⁴⁶ Гуревич А. Я. Указ. соч. – С. 260.

понималась как оборонительная, затем – как наступательная): «В Святой Земле видят законную территорию Господа, которую захватили разбойники и которую вассалы обязаны выволить любыми способами. Если они этого не сделают, то они изменяют своему феодальному долгу»⁴⁷. «В образах феодального быта рисуется и день Страшного суда, когда господь со своими “лучшими людьми” соберет свой двор и будет судить правых и виноватых, как это делает феодальный сеньор. В рыцарских образах формулируется и космическая борьба “справедливого короля” (бога) против отпавшего тирана-дьявола. Оба они окружены своей свитой, рыцарями и слугами-министериалами. Христос в миниатюрах псалтырей XII в. представлен полководцем с мечом и щитом, в кольчуге, со шлемом на голове»⁴⁸.

Церковь платила светской элите тем же. «Из книги Бытия папство заимствовало образ двух светил. Для церкви большим светилом – Солнцем – был папа, светилом меньшим – Луной – император или король. Луна не имеет собственного света, лишь отражает солнечный свет. Лунный свет – император был главой ночного мира... Если вспомнить, что означали ночь и день для средневекового человека, понятно, что вся светская иерархия оказывалась для церкви миром подозрительных сил, теневой частью социального тела»⁴⁹.

Бюргерская религиозность нашла свое воплощение в оригинальном нововведении XII в. – догмате чистилища. Церковь формально одобряла бедность и осуждала богатство, а в городах христиане стремились разбогатеть. Как при этом избежать ада? Выход был найден в вере в «зал ожидания» перед раем, где души томилась, ожидая перехода в рай. Кто попадет туда – определяла церковь, она же регулировала оплату своих услуг по спасению душ чистилища, что не могло не привести к появлению индульгенций – платы за выход из чистилища. К XVI в. буржуазия устанет от этой торговли дымом, но поначалу сделка устраивала обе стороны.

Народная религиозность – синтез христианства и дохристианских верований. «Монах XIII века Этьен де Бурбон столкнулся в сельской местности близ Лиона со следующим суеверием: крестья-

⁴⁷ История крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита. – М., 1998. – С. 116.

⁴⁸ Ястребицкая А. Л. Указ. соч. – С. 143.

⁴⁹ Ле Гофф Ж. Цивилизация... – С. 256.

янки поклонялись святому Гинефору, якобы дарующему выздоровление новорожденным. На поверку же оказалось, что Гинефор – борзая собака, с которой связывали легенду о спасении ею ребенка. Этьен де Бурбон строжайше запретил этот нечестивый культ. Прошло более полутысячелетия, и в 1870-е годы жители той же местности по-прежнему поклонялись святому Гинефору»⁵⁰.

Но у народной религиозности есть и другая сторона – *ереси*: их дух лучше всего передает знаменитый вопрос еретика XIV в. Джона Болла, сподвижника Уота Тайлера: «Когда Ева прядла, а Адам пахал, кто тогда был дворянином?»⁵¹ Учение сотериологической религии может быть интерпретировано в пользу интересов любого класса: крестьяне восставали во имя Христа, феодалы давили их во имя Христа.

Особое место в истории ересей занимают *катары (альбигойцы)*, чье вероучение было, очевидно, ветвью манихейства, представлявшего собой синтез христианства и зороастризма. Сила катарской церкви была в простоте обрядов: фактически единственным было так называемое Утешение (мистическое воссоединение человека с его небесным телом, утраченным при падении души с небес). Принявший Утешение обязан вести аскетическую жизнь – это Старцы, катарское духовенство; остальные же получают Утешение от Старцев на смертном одре⁵². Для *всех* социальных слоев (крестьян, горожан, феодалов) церковь, бравшая трудности себе и оставлявшая рядовым верующим возможность жить прежней жизнью, была крайне привлекательна. В XII в. на юге Франции, в Провансе, религия катаров начала вытеснять католическую; исход борьбы решил крестовый поход, во время которого папский легат произнес знаменитую фразу: «Убивайте всех, Господь своих узнает».

Кризис феодализма – это феодализация города и коммерциализация деревни. Патриции покупают землю, феодалы ее продают. «Начиная с XII века феодалы продавались почти свободно. Верные занялись торговлей. Торговля не укрепила их верности»⁵³. Литература наполнилась жалобами на всемогущество денег; «вырисовывается

⁵⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация... – С. 367.

⁵¹ Соколов В. В. Средневековая философия. – С. 386.

⁵² Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб., 2000. – С. 89–108.

⁵³ Блок М. Указ. соч. – С. 207.

эволюция и в морали: гордыня, по преимуществу феодальный грех, до этого рассматриваемая как мать всех пороков, начинала уступать первенство сребролюбию»⁵⁴. Замедляется социальная мобильность: вечные оруженосцы, вечные подмастерья, вечные студенты не могут оплатить инициацию. Феодалы нуждаются в деньгах и усиливают эксплуатацию крестьян, получая в ответ невиданные прежде восстания (Жакерия, восстание Уота Тайлера). Выходом становится абсолютизм – «Наступила эра Государя»⁵⁵.

«Новая политическая теория в противовес феодальным понятиям о праве короля на денежную помощь развивала, опираясь на римское естественное право, идею необходимости. В случае необходимости подданные обязаны имуществом своим помогать государю, а он имеет полное право на такую помощь. В отличие от феодального понятия помощи сеньору, для легистов XIV–XV вв. такая помощь может браться даже без согласия подданных. В наиболее радикальном варианте утверждалось даже, что в королевстве все принадлежит королю как его владение... Король обладает исключительным правом законотворчества, и сама его воля является законом, которому все подданные обязаны подчиняться. Он выразитель общественной необходимости и пользы, ради чего может потребовать от подданных принесения в жертву их прав. По существу, эта концепция тяготела к отрицанию каких-либо прав подданных перед лицом монарха и сохранению за ними одних лишь обязательств»⁵⁶. В частности, посвящать в рыцари имеет право лишь монарх (в Великобритании этот пережиток сохраняется по сей день; теперь женщин посвящают в «дамы», Dame). Условными датами конца Средневековья служат 1284 г. – в городе Бове недостроенный рухнул высочайший (48 м) на тот момент собор – и 1291 г. – падение последнего оплота крестоносцев, крепости Сен-Жан д'Акр. Нового крестового похода не последовало: знать искала теперь не феодалов за морем, а службы королям.

Вклад Средневековья в мировую культуру уже был частично назван: технические достижения; парламент; документальная фиксация прав человека; университет. Замечу, что культурные до-

⁵⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация... – С. 234.

⁵⁵ Он же. Интеллектуалы... – С. 156.

⁵⁶ Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции. XIV–XV века. – СПб., 2000. – С. 192–194.

стижения Средневековья менее блестящи, чем античные, но более фундаментальны: философские школы Греции и ее прямая демократия погибли, а университет и парламент (поначалу учреждение не демократическое, но становящееся таковым при введении всеобщего избирательного права) живы.

«Средние века для нас – блистательная коллекция камней: соборов и замков»⁵⁷. Их архитектурные стили – романский и готический (с XII в.). Готика возникла благодаря инженерному открытию – стрельчатые своды (нервюры) взяли на себя основную нагрузку, что позволило стенам стать изящнее и включить в себя грандиозные витражи.

Несмотря на невысокую грамотность, рыцарство создало свою литературу. Это рыцарская поэзия (*трубадуры* Прованса, *трупперы* Северной Франции, *миннезингеры* Германии), а также роман (как стихотворный, так и прозаический). Величайший из романистов – Кретьен де Труа (ок. 1135 – ок. 1183), автор нескольких дошедших до нас стихотворных романов, в том числе «Ивейна», «Эрека и Эниды», «Ланцелота», неоконченного «Персеваля». Его немецкий последователь – Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 – ок. 1220), известный нам по вагнеровскому «Тангейзеру».

Городская литература отличается сатирической, а иногда и бунтарской («Видение о Петре-пахаре» Уильяма Ленгленда) направленностью. Самые известные поэты-горожане – Рютбеф и Жан де Мен (ок. 1240–1305), потом появятся увековеченные Р. Вагнером *майстерзингеры* в Германии.

Необычайные поэты Средних веков – *ваганты*, на чьи стихи Карлом Орфом (1895–1982) написана «Кармина Бурана». Это деклассированные клирики, живущие среди бродяг. Их расцвет – XIII в. «Старые соборные школы и новые университеты отвечали на потребности времени так отзывчиво, аудитории их становились столь многолюдны... что скоро был достигнут критический рубеж: общество уже не находило, куда пристроить этих людей... Так совершилось в Европе первое перепроизводство людей умственного труда, обслуживающих господствующий класс; им впервые пришлось почувствовать себя изгоями, выпавшими из общественной систе-

---

⁵⁷ Ле Гофф Ж. Цивилизация... – С. 196.

мы...»⁵⁸ Ваганта нельзя путать с певцом из народа – *жонглером* или *менестрелем* (от «министериял» – слуга), а их всех – с певцами-рыцарями. Вагант – это клирик, слагающий свои стихи для клириков; отсюда и его классовая позиция: «На церковных иерархов вагантство нападает как на своих дурных начальников, на монахов – как на своих опасных соперников... С рыцарем клирик-вагант полемизирует серьезно, в нем он видит равного соперника: это говорят друг с другом два сословия, в равной мере принадлежащие к верхам средневекового общества... О бюргерстве вагант презрительно молчит, как бы его и нет, для крестьянства он, напротив, не жалеет самых оскорбительных слов... нет ничего ошибочнее, чем представлять его носителем социального протеста угнетенных сословий, обличающим и осмеивающим церковную знать перед городской и сельской беднотой»⁵⁹. У ваганта нет друзей: лишь враги и презираемые; одиночество сделало его фигурой, близкой XX в.

---

⁵⁸ Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. – М., 1975. – С. 448.

⁵⁹ Там же. – С. 503–507.